Граф В.Н. Ламздорф и крейсерская война против Японии

Кирилл Каулин

Несмотря на то, что в последние десятилетия в отечественной историографии не раз освещались различные аспекты международного положения и внешней политики Российской империи накануне и в период русско-японской войны¹, деятельность Министерства иностранных дел и его взаимодействие с другими ведомствами остаются пока недостаточно изученными. На отношения России с европейскими странами в эти годы существенно влияла крейсерская война, которую русский флот вёл против Японии. Хорошо известна зависимость экономики Страны восходящего солнца от импорта². Постоянная угроза морским сообщениям чрезвычайно осложняла задачу японских военно-морских сил, сосредоточенных в Жёлтом море. План русского командования предусматривал создание особого крейсерского отряда с базой во Владивостоке для ведения крейсерской войны. Ещё весной 1903 г. был организован Владивостокский отряд крейсеров (броненосные «Россия», «Громобой» и «Рюрик», бронепалубный «Богатырь» и вспомогательный крейсер) под командованием контр-адмирала К.П. Иессена. Его назначением были действия со стороны Японского моря на коммуникационные линии противника, по которым шла перевозка войск и снабжение армии из Японии на материк. В течение 1904 г. отряд потопил на морских коммуникациях противника 10 транспортов и 12 шхун, захватил 4 транспорта и 1 шхуну³.

Япония имела достаточно скромный торговый флот, и значительная доля морских перевозок приходилась на иностранные суда. Однако захват русскими крейсерами торговых судов нейтральных стран, направлявшихся в Японию, преимущественно английских и немецких, конфискация товара, а иногда и потопление самого судна, существенно обостряли отношения с европейскими государствами. В соответствии с нормами международного права, крейсера воюющей страны могли осматривать суда, идущие в порты противника, при этом груз судна признавался контрабандой решением призового суда, воюющая страна объявляла список предметов контрабанды, пароход задерживался крейсером и отправлялся на базу, где происходило заседание суда. В крайних случаях, когда груз преимущественно состоял из предметов военной контрабанды и не было возможности доставить захваченный корабль в порт, нейтральное судно могло быть потоплено крейсером. Однако представления о том, что считается контрабандой, существенно различались у разных стран. Общепризнанные правила в отношении блокады портов и контрабандных товаров удалось выработать только на Лондонской морской конференции 1908–1909 гг.⁴ Хранящиеся в АВП РИ документы

© 2013 г. К.В. Каулин

¹ Русско-японская война, 1904–1905. Взгляд через столетие: Международный исторический сборник. Москва, 2004; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией; *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008; *Зелев В.В.* Борьба в правящих кругах Германии по вопросу о политике в отношении России в связи с изменением международной обстановки в Европе и русско-японской войной (март 1903 – июль 1905 гг.). Омск, 2007.

² *Аганов В.Л.* Морская торговля и торговое судоходство России и Японии накануне и во время русско-японской войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. С. 19.

³ *Егорьев В.Е.* Операции владивостокских крейсеров в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Москва, 2006.

⁴ См.: Лондонская декларация о праве морской войны // *Международное право в избранных документах.* Т. 3. М., 1957. С. 151–161.

МИД позволяют пролить свет на позицию этого ведомства и его взаимоотношения с Морским министерством в связи с крейсерской войной. Поскольку отношения с европейскими государствами, особенно с Великобританией были весьма напряжёнными, в МИД даже не исключали возможности военного столкновения, которое очень осложнило бы положение России.

Владивостокский отряд захватил и отправил с призовой командой во Владивосток пароходы нейтральных держав «Аллантон», «Чельтенхем», «Арабия» и «Калхас», потопил «Найт Коммандер» и «Теа». Наибольший резонанс плучил инцидент, связанный с потоплением английского корабля «Knight Commander», что стало своеобразной кульминацией крейсерской войны. Санкт-Петербургское телеграфное агентство, со ссылкой на агентство «Рейтер», сообщало по этому поводу: «Министерство иностранных дел заявляет, что претензии по поводу потопления парохода “Knight Commander” носит принципиальный характер. Британское правительство оспаривает право топить судно при каких бы то ни было обстоятельствах. Русское посольство заявляет, что предмет спора будет подвергнут тщательному расследованию, вследствие различия между английскими и русскими законами. Никаких осложнений опасаться нечего»⁵. В действительности опасения осложнений, причём самых серьёзных, были. Как писала немецкая газета «Frankfurter zeitung», в дальнейшем этот инцидент был исчерпан «благодаря усилиям Министерства иностранных дел в С.-Петербурге, которому удалось, наконец, убедить правящие сферы этой столицы в необходимости отказаться от образа действий, столь вредно отзывающегося на отношении Англии к России», однако «Лондонский “Standard” присовокупляет к вышеизложенному ещё то замечание, что хотя недоразумения, возникшие по поводу названных выше судов, и улажены, но этот вопрос о контрабанде отнюдь не может ещё считаться разрешённым»⁶.

Вопрос состоял, прежде всего, в различии между так называемой условной и абсолютной контрабандой. Последняя включала товары, предназначенные непосредственно для ведения военных действий, а корабли, перевозящие такие товары, могли быть захвачены и зачастую потоплены. С течением времени понятие военной контрабанды расширилось, и к ней стали относиться, наряду с вооружением, и такие предметы, которые могли быть использованы как для мирных, так и для военных целей, например, лошади, повозки, каменный уголь, рельсы и др., получившие название условной контрабанды. Для законности конфискации подобных грузов требовалось доказать, что предметы эти предназначены для ведения войны. Список предметов военной контрабанды мог быть очень обширным. Воюющим странам было выгодно расширять его в целях облегчения крейсерских операций, нейтральные же настаивали на его ограничении для обеспечения себе большей свободы торговли. Кроме того, предметы, которые одни страны относили к контрабанде условной, другие признавали безусловной. На международных конференциях, пытавшихся установить единые признаваемые всеми списки таких предметов, наибольшие противоречия вызывали вопросы о хлебе (и вообще продовольствии) и угле. Те державы, которые нуждались в импорте хлеба, подвозимого морем, как Великобритания, протестовали против отнесения его к безусловной контрабанде, а державы, не зависящие от этого, были не прочь включить его в этот список. То же самое касалось и угля. В результате до Лондонской морской конференции 1908–1909 гг. каждая держава, приступая к войне, объявляла особой декларацией, какие именно предметы она относит к безусловной, а какие – к условной контрабанде.

Правила, принятые Россией, формулировались и уточнялись, в том числе на совещании, состоявшемся 13 февраля 1904 г., под председательством главного начальника флота и морского ведомства генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича. В нём приняли участие: главноуправляющий торговым мореплаванием и портами вел. кн. Александр Михайлович, от Морского министерства – управляющий

⁵ АВП РИ, ф. 139, оп. 476, д. 437, л. 26.

⁶ Там же, ф. 138, оп. 467, д. 219, л. 12, 13.

вице-адмирал Ф.К. Авелан и контр-адмирал З.П. Рожественский, от МИД – товарищ министра кн. В.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий, директор 2-го департамента Н.А. Малевский-Малевич. Присутствовали также представители Министерства финансов и Военного министерства. На совещании обсуждалось: «1. Желательно ли в настоящую войну с Японией, чтобы Россия выдавала против японцев каперские свидетельства? 2. Если таковая выдача будет признана нежелательной, то не следует ли прибегнуть к организации против японцев морской милиции? 3. Необходимо тщательно обсудить вопрос об угле, чтобы решить, следует ли России признавать уголь военной контрабандой»⁷.

Особый интерес представляет обсуждение третьего пункта. Вел. кн. Алексей Александрович «указал на затруднения, которые могут возникнуть для русского флота, как в том, так и в другом случае»⁸. Если Россия объявит уголь военной контрабандой, то ввиду этого в нейтральных портах могут отказать в угле российским военным судам, следующим на Дальний Восток. В противном случае империя лишает себя права захватывать суда, везущие этот груз в Японию. Малевский-Малевич в связи с этим заметил, что Япония уже объявила уголь военной контрабандой, а снабжение углём российских судов в нейтральных портах определится законодательными постановлениями отдельных государств. Некоторые из них (Австрия), позволяют частным лицам торговать предметами военной контрабанды. Другие (Англия), уже заявили, что, хотя и с большими стеснениями, они всё же будут давать уголь воюющим. Поэтому получать его в нейтральных портах, вероятно, будет возможно.

На совещании также обсуждался вопрос о том, как следует поступать с судами нейтральных держав, виновными в провозе предметов военной контрабанды. Контр-адмирал Рожественский указал, что, согласно ст. 11 «Положения о морских призах»⁹, «торговые суда нейтральных национальностей подлежат конфискации в качестве призов при провозе предметов, объявленных военной контрабандой (как, например, уголь), в количестве, превышающем по объёму или весу половину всего груза. На основании же ст. 21 того же Положения в чрезвычайных случаях, перечисленных в означенной статье, морскому начальнику дозволяется сжечь или потопить задержанное судно, предварительно сняв с него людей»¹⁰. С этим согласились и представители МИД. Председатель заметил, что, «признавая уголь военной контрабандой, нам хуже не будет. Нам следует в данном случае встать в те же условия, в какие стала Япония. Теперь мы теряем, во всяком случае, объявив же уголь военной контрабандой, можем надеяться, что будет терять и Япония»¹¹. В итоге совещание приняло решение признать уголь военной контрабандой.

Однако предмет недовольства держав, и прежде всего Англии, был несколько шире, и состоял в спорах о том, какие товары могут быть признаны условной контрабандой, к провозу которой в международном праве предусматривалось куда более мягкое отношение. «Современная международная практика, – писал 27 августа 1904 г. министр иностранных дел управляющему Морским министерством, – проводит существенное различие между безусловной военной контрабандой, каковой признаются предметы, служащие *исключительно* для целей войны, и контрабандой условной, к которой причисляются все другие предметы, но в том лишь случае, если они предназначаются для военных действий неприятеля»¹². Однако Россия в то время такой дифференциации не проводила. «Взгляд этот, разделяемый всеми цивилизованными державами, конечно, не обязателен для России, – замечал гр. В.Н. Ламздорф по этому поводу. – Но и её утверждение относительно признания характера безусловной контрабанды за всеми

⁷ Там же, д. 220, л. 1, 3.

⁸ Там же, л. 3.

⁹ ПСЗ-III. Т. 15. СПб., 1899. № 11515. С. 167–178.

¹⁰ АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 5.

¹¹ Там же, л. 6.

¹² Там же, л. 20.

предметами, перечисленными в правилах 14 февраля¹³, равным образом необязательно для нейтральных государств». «Склонить их к принятию нашего мнения было бы тем более трудно, – утверждал он, – что все пользующиеся авторитетом специалисты по международному праву находят наше требование не имеющим достаточного основания»¹⁴.

Упомянутые гр. Ламздорфом правила 14 февраля 1904 г. («Высочайше утверждённые правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией») относились к военной контрабанде, помимо оружия, боеприпасов и всевозможных военных принадлежностей, «всякого рода топливо, как-то: каменный уголь, нефть и спирт и т.п. материалы», «предметы и материалы, служащие для сооружения телеграфов, телефонов и железных дорог», «рис, съестные припасы, равно как лошади, вьючные и другие животные, могущие служить для военных целей, если они перевозятся за счёт или по назначению к неприятелю». «Нейтральные суда, застигнутые с подобного рода военною контрабандою, – говорилось в правилах, – могут быть, смотря по обстоятельствам, не только захватываемы, но и конфискуемы»¹⁵. То, что захвату подлежали товары, которые в международном праве было принято относить к условной контрабанде, не могло не вызывать недовольства остальных стран, стремящихся обезопасить свою торговлю. Английский юрист, профессор Т.Э. Холланд писал по этому поводу в «Таймс», что России необходимо скорректировать свои правила. В частности, железнодорожные товары, отправлявшиеся к противнику, согласно мнению Холланда, могли считаться военною контрабандою лишь в том случае, когда предназначались для военных сил. Применительно к ситуации русско-японской войны профессор полагал, что эти товары правомерно рассматривать как контрабанду только если доказано, что они предназначены для строительства железной дороги в Манчжурии или Корею¹⁶.

Схожие воззрения отстаивал и гр. Ламздорф в письме морскому министру. «Упомянутые в пункте 10 ст. VI Высочайше утверждённых правил 14 февраля сего года предметы..., – утверждал он, – должны считаться военною контрабандою в том только случае, если, как сказано в тексте этого пункта, они перевозятся “за счёт или по назначению к неприятелю”, т.е., согласно общепринятому в международном праве воззрению, для неприятельского правительства, *его поставщиков*, его армии или флота, крепостей или военных портов, а не для частных лиц – подданных неприятельской страны или, тем более, правительств или частных лиц нейтральных. Это ограничительное условие относится к *лошадям, вьючным и другим животным*, если они перевозятся в Японию»¹⁷. «Я признавал бы совершенно необходимым, – настаивал министр иностранных дел, – разъяснить инструкционным порядком командирам наших крейсеров, что, не отказываясь от крейсерской войны, надлежит делать строгое различие между предметами военной контрабанды, перечисленными в первых девяти пунктах ст. VI Высочайше утверждённых правил 14 февраля, и предметами, упомянутыми в пункте 10 этой статьи, которые подлежат конфискации в том только случае, если имеются налицо несомненные доказательства того, что они предназначаются для военных действий неприятеля»¹⁸. Фактически, тем самым предлагалось принять существовавшее в международном праве различие между предметами безусловной и условной контрабанды, причём относительно последней требовались доказательства того, что товары предназначались для сил неприятеля, на чём настаивали нейтральные державы. Ссылаясь на решения Совещания 25 августа 1904 г., Ламздорф просил Авелана принять «выработанную особой Комиссией при Министерстве иностранных дел редакцию толкований пункта 10

¹³ ПСЗ-III. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24066. С. 151–153.

¹⁴ АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 20–21.

¹⁵ ПСЗ-III. Т. 24. Отд. 1. № 24066. С. 152.

¹⁶ *Holland T.E.* Letters to «The Times» upon war and neutrality. (1881–1920). Ed. 3. L.; N.Y.; Bombay; Calcutta; Madras, 1921. P. 180–181.

¹⁷ АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 24.

¹⁸ Там же, л. 22.

ст. VI правил 14 февраля 1904 г., с упоминанием о *неприятельских поставщиках*»¹⁹. При этом лошадей и вьючных животных Комиссия при МИД, по предложению вел. кн. Александра Михайловича, отнесла к предметам безусловной контрабанды.

Как видно, именно министр иностранных дел стремился смягчить правила и пойти навстречу пожеланиям других держав. Гр. Ламздорф с юности служил в министерстве, прекрасно разбирался в дипломатической ситуации и имел вполне сложившиеся взгляды на внешнюю политику Российской империи. Будучи сторонником русско-французского союза, он в то же время в начале XX в. призывал военного министра «не связывать Россию никакими формальными соглашениями и довольствоваться прекрасными, но не компрометирующими нас *документально* отношениями, которые ныне существуют между Россией и Францией»²⁰. В сложной международной обстановке, в связи с проявившимся англо-германским антагонизмом, сближением Франции и Англии и некоторым смягчением англо-русских противоречий, он считал лучшей политикой сохранение свободы рук, стараясь не примыкать ни к Англии, ни к Германии. «Ни за что на свете, пока я останусь министром, – заявлял гр. Ламздорф, – я не сделаю ни одним шагом больше в направлении Потсдама, чем к Букингемскому дворцу... Бывают в жизни великого народа периоды, когда подобное отсутствие явно выраженной ориентации в пользу государства икс, или игрек, есть лучшая политика. Я называю её политикой независимости»²¹.

В условиях русско-японской войны сохранить подобную независимость было очень сложно. Любой шаг мог сказаться на отношениях России с той или другой державой. Этим объясняется крайне осторожная политика министра и его готовность идти на уступки. В то же время предлагаемые им меры были сформулированы таким образом, что не роняли достоинство России и не позволяли представить дело так, будто она вынуждена подчиниться иностранному давлению. «Таким заявлением я надеюсь, – разъяснял гр. Ламздорф свою позицию, – достигнуть успокоения правительств, заявивших нам протесты по поводу нашей крейсерской войны, не связывая себя никаким обязательством на будущее время и не отменяя ни в чём Высочайше утвержденных правил о военной контрабанде»²².

Разрядить обстановку в отношениях с Англией и другими странами было, по мнению министра иностранных дел, насущной необходимостью и единственным способом избежать войны. «В настоящем положении имеются, по моему мнению, только два исхода, – заявлял он, – или взять почин примирительного образа действия, и, по собственной воле, ничем не связывая себя в будущем, отказаться от притязаний, ставящих ребром опасные вопросы, или же, придерживаясь нашей теперешней точки зрения, вызвать крайне нежелательное вмешательство некоторых из нейтральных держав». «Если мы, несмотря на все испытания, переживаемые ныне Россией, достаточно сильны, чтобы предписывать наши законы всем другим державам, – иронизировал граф, – то Министерство иностранных дел, очевидно, с величайшей готовностью заявит об этом иностранным правительствам». «Настаивать на нашем нынешнем взгляде относительно военной контрабанды, продолжая тем вызывать против России усиливающееся раздражение нейтральных держав, в особенности же Англии и Америки, и полагать, что при всём том мы благополучно избегнем безвыходных осложнений, неминуемо ведущих к войне, было бы, по моему мнению, опасным заблуждением, поддаваться коему ввереное мне министерство не считает себя в праве», – резюмировал он²³. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением, что излишняя осторожность Ламздорфа не соответствовала интересам России²⁴.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Рыбачёнок И.С.* Последний бастион. В.Н. Ламздорф и Мюрцштегское соглашение 1903 года // *Русская дипломатия в портретах.* М., 1992. С. 289.

²¹ Там же.

²² АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 24.

²³ Там же, л. 22.

²⁴ См., например: *Широкопад А.Б.* Япония. Незавершённое соперничество. М., 2008.

Об опасности столкновения с державами из-за захвата или потопления их кораблей министр иностранных дел постоянно напоминал своим сотрудникам. «При настоящих событиях самую настоятельную необходимость представляет сохранение дружественных отношений к нам со стороны нейтральных государств, – телеграфировал он 8 июля 1904 г. послам в Берлине и Лондоне, – к этому мы постоянно стремились с начала войны и в течение почти шести месяцев достигали успешных результатов. Нарушив таковые отношения, мы оказали бы, во всяком случае, громадную услугу Японии, которая всё более и более выражала неудовольствие по поводу проявляемого, будто бы, Англией равнодушия к своей союзнице»²⁵. На запрос управляющего Морским министерством о том, «не следует ли нам считать себя накануне разрыва с Англией», Ламздорф отвечал, что «всё будет, мне кажется, зависеть от нашего образа действий»: «До последнего времени Великобританское правительство, несмотря на связывающее его соглашение с Японией, всячески старалось доказать решимость свою соблюдать строгий нейтралитет по отношению к обеим воюющим сторонам. Но таковое настроение Англии может легко измениться под влиянием каких-либо неосторожных с нашей стороны шагов, вроде захвата английских коммерческих судов без достаточных к тому поводов»²⁶.

Сложность ситуации усугублялась и тем, что именно Англия представлялась наиболее вероятным противником России на Дальнем Востоке в конце XIX в., а крейсерская война рассматривалась русским командованием как один из основных компонентов военного состязания с ней. После Крымской войны последовала череда дипломатических столкновений между Российской империей и Великобританией. Афганский кризис 1885 г. и опасность войны с Англией потребовали усиления Тихоокеанской эскадры, куда были направлены новейшие корабли; началось активное строительство крейсеров для Тихоокеанской эскадры. Броненосные крейсера «Рюрик», «Россия» и «Громобой», которые стали ядром Владивостокского отряда крейсеров, действовавшего во время русско-японской войны, были построены в начале 1890-х гг., в период ухудшения русско-английских отношений из-за Памира. Фактически, против Англии «затачивались» в том числе и правила в отношении военной контрабанды – Россия целила в морскую торговлю, являвшуюся важнейшим фактором британского могущества. Между тем в сложившейся ситуации необходимо было, пользуясь этими правилами, сохранять баланс и не вызвать раздражение Великобритании.

Сначала в Морском министерстве не разделяли позицию МИД²⁷. Однако 31 августа 1904 г. Авелан уже писал Ламздорфу о согласии вел. кн. Алексея Александровича «на окончательную редакцию толкования пункта 10 ст. VI Правил 14 февраля о военной контрабанде». 1 сентября император поручил Ламздорфу устно разъяснить позицию России послам нейтральных государств, недовольных правилами 14 февраля. «Мною сделаны соответствующие заявления представителям Германии, Великобритании и Северо-Американских Соединённых Штатов, – писал министр иностранных дел управляющему Морским министерством. – Результаты моего объяснения по этому делу с названными лицами имели успокоительное воздействие на правительства упомянутых государств и общественное мнение Англии и Америки, что представляет в настоящую минуту существенную важность»²⁸. На изменение расстановки сил в правительстве, вследствие чего возобладали точка зрения министра иностранных дел, повлияли и события на театре боевых действий. В частности, 1(14) августа, не зная, что попытка прорыва русской эскадры из Порт-Артура во Владивосток уже провалилась, 3 крейсера Владивостокского отряда вышли в Корейский пролив, были обнаружены эскадрой адмирала Камимуры и, не имея возможности уклониться, приняли бой, в результате которого был потоплен «Рюрик».

²⁵ АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 8.

²⁶ Там же, л. 10.

²⁷ Там же, л. 24.

²⁸ Там же, л. 25.

Однако представителей западных держав не вполне удовлетворили объяснения министра. «Английский и американский послы, – писал гр. Ламздорф Авелану, – поставили мне, по поводу применения нашими крейсерами правил о контрабанде, ряд вопросов, на которые я затруднился дать определённый ответ». Речь шла о расширении списка предметов условной контрабанды: «Указывая на то, что моё успокоительное разъяснение касается только предметов, упомянутых в пункте 10 ст. VI Правил 14 февраля, и то за исключением лошадей и вьючных животных, сэр Чарльз Гардинг и Г. Мак-Кормик выразили надежду, что оговорка эта не будет ограничена одним 10 пунктом, и распространится, равным образом, на другие предметы так называемой *относительной контрабанды*, о коих сказано, например, в пунктах 8 и 9-ом ст. VI-й, или в Высочайшем повелении от 8 апреля 1904 года»²⁹. В означенных пунктах правил речь шла о топливе и материалах для изготовления телеграфов, телефонов и железных дорог³⁰. Высочайшим повелением от 8 апреля 1904 г. в число военной контрабанды был включён хлопок³¹. «По самой природе своей, – полагали послы, – каменный уголь, как топливо, хлопок, как сырьё для мануфактурных изделий, и материалы, служащие для сооружения телеграфов, телефонов и железных дорог, могут быть, по мнению правительств названных государств, признаны военной контрабандой *только в том случае*, если доказано, что они предназначены для вооружённых сил *неприятеля*: в большинстве же случаев предметы эти служат для целей исключительно *мирного* свойства, и идут для необходимых потребностей *мирного* населения»³².

Западные державы полагали, что признание топлива и сырья безусловной контрабандой не только наносит большой ущерб всей нейтральной торговле, но и является нарушением общепринятых начал международного права. В Японии проживало значительное количество американцев, англичан и иных иностранных подданных, которые были заинтересованы в привозе этих товаров; нуждались в них и японские торговые фирмы. Русские же правила, особенно если придавать им расширительное толкование, предусматривали возможность захватывать подобные товары даже и тогда, когда они были предназначены для совершенно мирных целей. К этим заявлениям Гардинга и Мак-Кормика присоединились также германский и французский послы, причём последний настойчиво отмечал, что его правительство ни в коем случае не согласится признать правильным захват такого угля, который шёл бы, например, из Кардифа в Сайгон и предназначался бы для местных французских складов или для надобностей французской миссии и французских предприятий в Японии³³.

Ламздорф, со своей стороны, был готов и в этом вопросе пойти навстречу западным державам. «Я не усомнился бы разъяснить послам..., – писал он Авелану, – что такие предметы, как уголь, хлопок и телеграфные и т.п. аппараты, могут и *не* считаться контрабандой, если не установлено с очевидностью, что они выписываются для вооружённых сил неприятеля, т.е. для его армии, флота, крепостей, военных гаваней или вообще для неприятельского правительства и его поставщиков». «Подобное толкование, – полагал министр, – по мнению моему, нимало не противоречило бы точному смыслу декларации 14 февраля 1904 года, так как в ней только перечисляются предметы, могущие составлять военную контрабанду, но юридическое понятие “контрабанда” ни в этом законодательном акте, ни в Положении о морских призах 1895 года точно не установлено»³⁴.

Министр иностранных дел воздержался от подобных разъяснений послам, поскольку хорошо понимал, что морское ведомство едва ли согласится с ним. Однако он

²⁹ Там же, л. 25–27.

³⁰ ПСЗ-III. Т. 24. Отд. 1. № 24066. С. 152.

³¹ Там же. № 24312. С. 317.

³² АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 25–27.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

продолжал настаивать на своей позиции: «при настоящих тяжёлых условиях военного времени в интересах России не создавать себе затруднений и не осложнять отношений с нейтральными державами». «По глубокому моему убеждению, – писал гр. Ламздорф управляющему Морским министерством, – крейсерская война, если она будет вестись на прежних началах, может нанести нам, в политическом отношении, громадный вред и даже вызвать открытое столкновение с наиболее заинтересованными нейтральными государствами». Поэтому он через Авелана просил вел. кн. Алексея Александровича согласиться с тем, «что вышеупомянутые нейтральные грузы могут быть признаны и *не* контрабандою, когда нет достаточных оснований для подозрения, что они предназначаются для вооружённых сил неприятеля»³⁵.

Как и следовало ожидать, морское ведомство на это не согласилось. «С самого начала нынешней войны – писал Авелан гр. Ламздорфу, – Морское министерство, основываясь на постановлениях Положения о морских призах считало, что все предметы, объявленные нами военной контрабандой, должны рассматриваться как контрабанда абсолютная»³⁶. По его мнению, только так и можно было толковать существующее российское законодательство. Действительно, в Положении о призах говорилось, что нейтральные суда подлежат конфискации в качестве призов, когда они застигнуты при провозе военной контрабанды «неприятелю или в неприятельский порт»³⁷. «Следовательно, – делал вывод управляющий Морским министерством, – предметы, нами объявленные контрабандой, по точному смыслу Положения о призах, считаются военной контрабандой, *при провозе во всякий японский порт, совершенно независимо от того, кому бы такие предметы не предназначались*»³⁸. В Морском министерстве полагали, что столь сильное смягчение правил, в конечном счёте, вынудит вовсе отказаться от крейсерской войны и захвата судов. Авелан напоминал гр. Ламздорфу о том, что ещё 15 июня предупреждал его: «если мы уступим англичанам по вопросу о съестных припасах, то вслед за этим явятся новые подобные же требования об угле и других предметах, нами объявленных военной контрабандой»³⁹.

Управляющий Морским министерством вполне резонно указывал министру иностранных дел, что вопрос о признании угля военной (причём подразумевалось, что безусловной) контрабандой был поставлен и решён по инициативе МИД. «Ваше сиятельство, вероятно, изволите помнить, – писал он гр. Ламздорфу, – что, узнав из проекта Правил 14 февраля о предположении Министерства иностранных дел признать уголь контрабандой, Морское министерство, предвидя возможность в будущем сомнения, внесло обсуждение этого вопроса на рассмотрение Совещания, происходящего 13 февраля под председательством его императорского высочества главного начальника флота и морского ведомства. В означенном Совещании, состоявшемся при участии двух представителей от Министерства иностранных дел..., было решено признать уголь военной контрабандой». Далее, напоминал Авелан, «когда по инициативе великобританского посла вопрос об угле действительно возник на практике», гр. Ламздорф 21 февраля 1904 г. предлагал ответить послу, что «остальные предметы, указанные в пунктах 1–9 ст. VI, в том числе и уголь, рассматриваются императорским правительством как контрабанда безусловная»⁴⁰. Очевидно, на изменение позиции министра иностранных дел повлияло тяжёлое международное положение России.

Однако Морское министерство оставалось при прежнем воззрении, поскольку «если бы мы отказались от такого взгляда, это было бы равносильно совершенному отказу когда-либо захватить уголь как контрабанду; японское правительство и японский флот имели бы тогда возможность получать уголь через разных подставных лиц,

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 29.

³⁷ ПСЗ-III. Т. 15. № 11515. С. 168.

³⁸ АВП РИ, ф. 138, оп. 467, д. 220, л. 29.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, л. 3–31.

даже нейтральной национальности»⁴¹. В подтверждение своих слов управляющий морским ведомством ссылался на телеграмму наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева, в которой отмечалось, что «военная контрабанда, подвозимая Японией, никогда не адресуется открыто на имя правительства или его поставщиков, а исключительно на имя частных лиц по фиктивным документам». Наместник полагал, что «ограничительное толкование, приданное ныне Министерством иностранных дел пункту 10 ст. 6 Высочайше утверждённых Правил, что упоминаемые в оном предметы, предназначенные для войны, должны считаться военной контрабандой только в том случае, если перевозятся для неприятельского правительства или поставщиков, а не для частных лиц, равносильно отказу нашему от права, неотъемлемо принадлежащего всякой воюющей державе, и поведёт к усилению беспрепятственного подвоза к неприятелю весьма существенных предметов военной контрабанды, умаляя вместе с тем деятельность наших крейсеров»⁴². Таким образом, Морское министерство и генерал-адъютант Алексеев стремились отстоять право России на захват кораблей, перевозящих контрабандные товары в Японию, тогда как министр иностранных дел считал необходимым прежде всего не допустить международной напряжённости и вступления России в новые тяжёлые конфликты.

Ламздорф подчёркивал, что «считал бы... противным чести и достоинству России, если бы, вследствие возникших острых инцидентов, мы были вынуждены отступить от принятых решений под давлением заинтересованных стран», однако предлагаемые уступки, по его мнению, вовсе не были отказом от собственных решений, а сводились к тому, чтобы, «*нисколько не связывая себя в будущем, ввести по собственному почину* должную осмотрительность при крейсерских операциях»⁴³. «Очевидно, – разъяснял граф свою позицию, – что объявление нами того или другого товара *безусловной* военной контрабандой должно покоиться или на признании за нами на то права со стороны заинтересованных государств, или на средствах, коими мы были бы в состоянии заставить других принять нашу точку зрения». «Протесты, заявленные не только Англией и Северо-Американскими Соединёнными Штатами, но и благожелательной к нам Германией и даже союзницей нашей Францией против объявления нами угля и хлопка безусловной военной контрабандой, служат явным доказательством того, что эти державы не считают наш взгляд на этот предмет приемлемым, – подчёркивал он. – Следовательно, возникает вопрос, можем ли мы отстоять нашу теорию *силой*? Указать *заблаговременно* на возможность наступления такого момента составляет прямую обязанность Министерства иностранных дел»⁴⁴. «Считаю своим священным долгом, – заявлял гр. Ламздорф, – предупредить о грозящей нам опасности в случае новых осложнений с нейтральными морскими державами. Устранять, насколько возможно, всякий повод к столкновению с этими государствами, не допуская, конечно, ни в коем случае, малейшего ущерба достоинству России, – я считаю, при нынешних обстоятельствах, одной из важнейших задач русской внешней политики»⁴⁵.

На возражение, что такие поправки фактически лишают Россию возможности захватывать направляющийся в Японию уголь, министр иностранных дел ответил, что «охота за угольщиками» не так уж и выгодна, а вполне вероятный конфликт с другими державами был бы весьма опасен. «Выгоды крейсерской кампании, – полагал гр. Ламздорф, – должны быть вообще соразмерны с затратами и риском этого обоюдоострого предприятия, раз само развитие крейсерской службы не имеет исключительным районом воды, непосредственно соприкасающиеся с побережьем неприятельской державы»⁴⁶. Не убеждала графа и телеграмма Алексеева. «Отзыв наместника лишь вновь об-

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 32.

⁴³ Там же, л. 36–37.

⁴⁴ Там же, л. 32.

⁴⁵ Там же, л. 35.

⁴⁶ Там же, л. 36.

наруживает, – довольно резко комментировал он её – насколько, по-видимому, трудно на Дальнем Востоке дать себе ясный отчёт в общем политическом положении империи и насколько опасно в международных отношениях придерживаться односторонних взглядов, которые, вопреки воле Государя императора, к несчастью, немало повлияли на вовлечение России в несвоевременную и не соответствующую интересам тяжёлую борьбу»⁴⁷.

Таким образом крейсерская служба, или война, как её иногда называют, в ходе которой корабли России задерживали торговые суда, направлявшиеся в Японию, резко обострила отношения с Великобританией, больше других держав страдавшей от этого. Обстановка накалилась, и стороны даже рассматривали возможность применения силы. В своей переписке граф Ламздорф многократно упоминал о риске войны с Англией, которой он всячески старался избежать, идя на уступки требованиям держав, прежде всего, в вопросе о перечне товаров, считающихся контрабандными. При этом ему приходилось отстаивать свою позицию в полемике с представителями Морского министерства. Министр иностранных дел нередко обвинялся в чрезмерной готовности уступать европейским государствам. Однако очевидно, что в сложившихся условиях, особенно учитывая относительную слабость России на Дальнем Востоке, он резонно опасался ещё большей её изоляции. Разумеется, это несколько осложняло проведение крейсерских операций, но было сомнительно, чтобы выгода от них превысила тяжёлые последствия возможных международных осложнений. Не имея сил для военного столкновения с Англией, Российская империя была вынуждена лавировать. Министр иностранных дел старался сделать всё от него зависящее, чтобы вопрос удалось урегулировать мирными средствами. Острота ситуации спала лишь после поражения, которое потерпели русские крейсера от японцев.

⁴⁷ Там же, л. 37. Такая резкость даже вызвала замечание императора: «Колкость в конце письма по отношению к наместнику совсем неуместна» (там же, л. 34).